РѢКА КЕРЖЕНЕЦЪ.

Пишу къ вамъ изъ гнѣзда раскольниковъ старообрядцевъ, изъ мрачныхъ хвойныхъ лѣсовъ, съ крутаго берега извилистой, прихотливой въ своемъ теченіи рѣки Кѣрженца. Эта рѣка принадлежитъ почти исключительно Нижегородской губерніи, Семеновскому уѣзду. Лѣса, покрывающіе берега Керженца и его притоковъ кормятъ большую часть населенія цѣлаго уѣзда. Столичный или степный житель съ трудомъ представитъ себѣ и пойметъ ту глушь и дичь, которая царствуетъ въ здѣшнихъ лѣсахъ даже теперь, въ настоящее время, когда постоянная рубка и пожары сильно разрѣдили прежнія непроходимыя лѣсныя чащи, привольныя мѣста для медвѣдей, оленей, раскольниковъ и дѣлателей фальшивой монеты, давшихъ самому Семенову свою особенную мѣстную пословицу «хорошъ городъ Семеновъ, да въ немъ денежка мягка»!

Изъ большаго, бойкаго села Воскресенскаго на Ветлугѣ я вздумалъ проѣхать въ Хохалы, деревню, гдѣ помѣщается лѣсничество Лыковской дачи, прилежащей Кѣрженцу и его притокамъ. Проѣхавши одну станцію по большой торговой дорогѣ отъ Воскресенскаго въ Семеновъ, для сокращенія пути мы свернули на проселокъ и ѣхали верстъ 25 непрерывнымъ лѣсомъ, не встрѣчая ни одного селенія.

Всѣ крестьяне Лыковской волости занимаются исключительно рубкою лѣса, который потомъ вяжутъ въ плоты и сплавляютъ

ихъ до устья Кѣрженца, впадающаго въ Волгу. Это ихъ единственный промыселъ, принятый ими въ наслѣдство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, и затѣмъ они не знаютъ никакого другаго, кромѣ охоты, которою впрочемъ занимаются очень не многіе. Въ своемъ единственномъ промыслѣ они дошли до совершенства, и хотя повидимому не много нужно искусства, чтобы срубить и обтесать дерево, но нельзя не полюбоваться, съ какой необыкновенной чистотою, посредствомъ одного топора, снимается кора съ дерева: поверхность его остается такъ гладка, какъ у восковой свѣчи, ни зарубки, ни затѣсинки,—все бревно, какъ будто отполировано.

По берегамъ Кѣрженца и по близости къ нему всѣ крупныя, большемѣрныя деревья уже повырублены и въ настоящее время рубка идетъ по притокамъ, рѣчкамъ Черной и Вишнѣ, отъ селеній верстъ на 20 и на 30-ть. Рубка лѣса, какъ извѣстно, производится зимою, и потому все мужское населеніе деревень, занимающихся этимъ промысломъ, какъ только промерзнутъ болота и установится хорошій зимній путь, переселяется въ лѣса и живетъ тамъ до вскрытія рѣкъ въ *зимницахъ*; въ деревняхъ остаются только бабы да ребятишки. Здѣшній крестьянинъ радъ ранней и морозной зимѣ, ибо чѣмъ длиннѣе зима, тѣмъ больше времени для работы, дающей средства существованія. Нынѣшняя зима теплая и перемѣнчивая пугала лѣсорубовъ.

Мы пріѣхали въ Хохалы около 10-го декабря и узпали, что только дня за два крестьяне имѣли возможность перебраться въ лѣса, и то только самые заботливые и отважные, потому что болота еще не промерзли. Мнѣ хотѣлось на мѣстѣ видѣть рубку и жизнь этихъ лѣсныхъ дикарей. Не обинуясь оставляю это названіе за здѣшними обитателями: мнѣ удалось быть въ мѣстахъ не менѣе лѣсныхъ и глухихъ на Ветлугѣ, но тамъ болѣе жизни, болѣе движенія, болѣе предпріимчивости и коммерческихъ оборотовъ; тамъ строятся большія суда—бѣляны, на которыхъ сплавляются лѣсныя издѣлія до Дубовки, и рѣдкій изъ тамошнихъ крестьянъ не сплывалъ внизъ по Волгѣ; здѣшній же крестьянинъ напротивъ кромѣ своихъ лѣсовъ, своей Черной и Кѣрженца, ничего не видалъ и не знаетъ: единственное окошко, чрезъ которое онъ разъ въ годъ смотритъ на остальный міръ Божій—село Лысково, близъ котораго Керженецъ впадаетъ въ Волгу и капиталисты котораго скупаютъ лѣсъ срубленный руками лыковскаго мужика.

Лѣсничій нашелъ мнѣ извощика, который брался довести къ зимницамъ на Черной, но признавался, что былъ тамъ всего одинъ разъ и дорогу плохо помнитъ. Отъѣхавъ верстъ пять отъ Хохалъ, мы нашли деревню, отъ которой слѣдовало поворотить въ лѣсъ и ѣхать имъ до мѣста. Крестьяне этой деревни большею частію уже отправились на свой зимній промыселъ. Мы зашли въ избу одного крестьянина, зимницу котораго хотѣли отыскать въ лѣсу. Избы въ здѣшнихъ мѣстахъ снаружи очень не нарядны: три маленькія окошка, изъ которыхъ среднее больше крайнихъ, соломенная крыша и никакихъ рѣзныхъ украшеній, ни вычурныхъ затѣйливыхъ полотенецъ, подъ крышей, ни рѣзнаго гребня по коню, ни кочетовъ, ни рѣзьбы на воротахъ; зато лѣсъ пошелъ на постройку крѣпкій, массивный и внутри, въ избѣ, просторъ и привольѣ. У каждаго сколько нибудь зажиточнаго крестьянина двѣ избы: одна лѣтняя, другая зимняя и сверхъ того еще третья—черная для кормленія скотины; дворъ обнесенъ здоровымъ бревенчатымъ заборомъ и сверхъ того надѣланы просторные клевы для коровъ и овецъ. Съ перваго взгляда видѣнъ избытокъ лѣса. Чистота въ избѣ поразительная, особенно въ лѣтней, которая и смотритъ веселѣе и свѣтлѣе потому что въ ней и окна побольше. Въ избѣ насъ встрѣтила старшая хозяйка, женщина лѣтъ за пятьдесятъ, бойкая, живая, но ласковая и добродушная. Послѣ первыхъ же привѣтствій она засуетилась, чтобы насъ чѣмъ нибудь поподчивать: подала ситника и меду, очень невзрачнаго и не чистаго на видъ, но необыкновенно вкуснаго и душистаго. Здѣшній медъ добывается изъ бортей, а не изъ ульевъ. Вы знаете что такое улей: вѣроятно имѣете понятіе и о борти. Въ деревѣ дѣлается продольная дыра, выдалбливается сердцевина и образуемая такимъ образомъ пустота назначается для помѣщенія пчелъ; затѣмъ продольную выемку снова закрываютъ деревянной вставкой, оставляя лишь маленькую скважину для входа и выхода пчелъ. Борти эти помѣщаются обыкновенно высоко отъ земли и чтобы защитить ихъ отъ медвѣдя, который часто производитъ въ нихъ опустошенія, подъ ними дѣлаются деревянныя полати, которыя впрочемъ, говорятъ, рѣдко устаиваютъ предъ усиліями медвѣдя. Борти запрещены въ казенныхъ лѣсахъ лѣснымъ уставомъ изъ предосторожности отъ пожаровъ, на томъ основаніи, что при добываніи меду изъ бортей пчелъ выкуриваютъ дымомъ. Предосторожность, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ, но какъ мнѣ объяснили, эта мѣра, уже-

личивая объемъ лѣснаго устава, не уменьшаетъ количества бортей въ казенныхъ лѣсахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйка предложила намъ остатковъ отъ праздника Николина дня — браги необыкновенно кислой и еще болѣе кислаго, способнаго замѣнить уксусъ—сыченаго или моренаго меда. Послѣдній напитокъ, извѣстный также подъ именемъ пьянинькаго кваску, (имя, подъ которымъ онъ скрывается отъ преслѣдованія акцизно-откупнаго коммиссіонерства), искаженіе тѣхъ старинныхъ русскихъ медовъ, которыми славились наши предки. У старовѣровъ онъ и до сихъ поръ въ большомъ ходу. Я слыхалъ, что хорошо приготовленный, онъ имѣетъ такое свойство, что съ одного стакана человѣкъ непривычный совершенно теряетъ способность движенія, хотя не лишается памяти и сознанія. Здѣсь я не могъ его пить, даже попробовать вслѣдствіе необыкновенной кислоты, но отвѣдывалъ его въ селѣ Спаскомъ Васильсурскаго уѣзда и тамъ же узналъ способъ его приготовленія. Ведро или два воды до сладости сытятъ медомъ, вливаютъ въ боченокъ, кладутъ туда же кружку дрожжей и ставятъ эту смѣсь на печку. Въ боченкѣ происходитъ сильное броженіе, и дня въ три или въ четыре сыта совершенно окисляется до вкуса уксусу; тогда ее опять насыщаютъ до сладости медомъ и опять оставляютъ боченокъ на печи. Повторяя одинъ и тотъ же процессъ нѣсколько разъ по вкусу и желанію, получаютъ сыченый медъ. Тотъ, который я пилъ въ Спаскомъ, имѣлъ сладкокислый вкусъ и видъ мутнаго полпива; опьяняющее свойство его я не испытывалъ, потому что не могъ выпить болѣе одной рюмки, но она не произвела на меня никакого особеннаго впечатлѣнія. Полагаю впрочемъ, что и этотъ медъ былъ неискуснаго или дурнаго приготовленія, потому что сопровождавшій меня человѣкъ болѣе, нежели я, любознательный, не нашелъ, чтобы пьянинькой квасокъ имѣлъ то свойство, которое ему приписываютъ.

Мужъ и сынъ нашей гостепріимной хозяйки уже отправились въ лѣсъ.

— Ну, какъ же вы, бабушка, такъ и живете цѣлую зиму безъ мужиковъ? спросилъ я.

— Такъ и живемъ, кормилецъ.

— Чай, вѣдь тошно тоже иной разъ?

— А что за тошно: безъ этого нельзя; хлѣбъ себѣ добываютъ.

— Ну, да въ праздники-то, я думаю, пріѣзжаютъ?

— Нѣтъ, разѣ исхарчатся, такъ за харчами пріѣдутъ.

— Ну, а ты ѣздишь ли къ нимъ когда?

— А вотъ что ни живу — не бывала и не знаю, что у нихъ тамъ за зимницы такія.

— Такъ ты и дороги туда не знаешь?

— И не знаю, и дороги не знаю, кормилецъ, сказать тебѣ всю правду.

— Какъ же, братецъ, ты бы распросилъ кого нибудь объ дорогѣ-то, обратился я къ ямщику.

— Да кого спросить-то... чай, и такъ не спутаемся: дорога-то одна.

— Вѣстимо одна! подтвердила старуха.

Между тѣмъ въ избу вошелъ сѣдой, какъ лунь, приземистый, широкоплечій старикъ, знакомый г. Л., который сопровождалъ меня въ этой поѣздкѣ. Старикъ подсѣлъ къ намъ и у насъ завязалась бесѣда. Дѣдушкѣ по его счету было уже много за 80-ть лѣтъ, но онъ былъ еще бодръ, свѣжъ, словоохотливъ и только глаза да ноги отказывались служить ему.

— А то бы я не отсталъ отъ людей, говорилъ онъ, не сталъ бы сидѣть около бабъ, коли свои ребята въ лѣсу. Было времячко, не было мнѣ супротивника: всякаго побарывалъ, даромъ что ростомъ-то маленекъ, такихъ кряжей сламывалъ....

По мистическому настроенію старика, разговоръ незамѣтно обратился у насъ къ порченымъ.

— Мало ли этой пакости бываетъ. Да вотъ у меня невѣстку испортили: начало бабу ломать, корчить. Да я зналъ, чьи это промыслы, прямо пошелъ къ Акулинѣ. Слушай, я говорю, ты— баба, ты у меня съ невѣстки сними, а то вотъ я образомъ образуюсь, коли не снимешь, я тебя застрѣлю. Вотъ образовался,— смотри-же.

— Ну что же?

— Облегчилась, перестало ломать.

— Ну, а если бы не сняла, неужто бы, дѣдушка, въ самомъ дѣлѣ и застрѣлилъ бы?

— Застрѣлилъ бы! быстро и рѣшительно отвѣтилъ старикъ. В-вотъ! Не ужто бы за этакую Богу отвѣтъ далъ? Пожалуй, этакъ она сколько бы народа перепортила. Старъ человѣкъ, говорю, передъ Богомъ: пристрѣлилъ бы, да и пошелъ суду бы себя объявилъ.

Короткій зимній день приходилъ къ концу, наступалъ ве-

черъ, а намъ предстояло проѣхать еще верстъ 20, такихъ верстъ, о которыхъ русскій человѣкъ говоритъ въ шутку, что они узенькія да длинныя, и которыя мѣряла баба клюкой да и махнула рукой.

— Вотъ ты дѣдушку спросилъ бы о дорогѣ-то, сказалъ я ямщику.

— Вѣдь, чай, дѣдушка, по Черновской тропѣ есть ужь ѣздато?спросилъ нашъ возница.

— Какъ, чай, не быть!

— То-то.

Больше ямщикъ не разспрашивалъ и мы разпрощавшись со старикомъ и доброй хозяйкой, отправились въ путь. Сначала дорога шла полемъ, гдѣ ямщикъ искалъ все поворота на право въ лѣсъ, потомъ дѣйствительно поворотилъ на право; но проѣхавши версты двѣ лѣсомъ, объявилъ, что врядъ ли туда ѣдемъ, и все таки ѣхалъ впередъ, не останавливаясь.

— Такъ зачѣмъ же ты ѣдешь, коли не туда? Лучше воротиться назадъ, да взять проводника.

— Да вишь ты, тутъ была сосна на самомъ поворотѣ, такая еще развѣсистая: я все и смотрѣлъ ее, да нѣтъ сосны-то, видно срубили что ли... А я все ее-то и смотрѣлъ, и вижу, что не тутъ ѣдемъ.

— Ну такъ нечего и ѣхать: ворочайся назадъ въ деревню. Ямщикъ неохотно повиновался и, пока мы ѣхали до деревни, все осматривался кругомъ и искалъ пропавшей сосны. Уже совсѣмъ стемнѣло и въ деревнѣ зажглись огни, когда мы подѣхали къ ней.

Здѣсь ямщикъ предлагалъ лучше переночевать, чтобы съутра ѣхать, но я хотѣлъ непремѣнно видѣть жизнь въ зимницахъ вечеромъ, когда рабочіе всѣ возвращаются изъ лѣса, гдѣ они проводятъ весь день. Взявши въ деревнѣ провожатаго съ тѣмъ, чтобы онъ намъ показалъ только поворотъ въ лѣсъ, гдѣ дорога одна, опять оборотили лошадей. Поворотъ былъ указанъ и провожавшій намъ растолковалъ, что какъ въѣдемъ въ лѣсъ и минуемъ *осыкъ*, то есть изгородь, отдѣляющую лѣсъ отъ поля, такъ и поворачивали бы влѣво, а ни направо, ни прямо не ѣздили, а тамъ ужь какъ поворотишь влѣво *дорога одна*.

— Да тамъ извѣстно ужь дорога одна! согласился ямщикъ.

— А ты, слушай, Кузьма Васильичъ, замѣтилъ нашъ прово-

жатый, ты тамъ около крестовъ-то вправо не бери, а прямо поѣзжай.

— Ладно, отвѣчалъ ямщикъ, и поспѣшно подобравши возжи, прикрикнулъ на лошадей.

Я предвидѣлъ, что безъ путаницы дѣло не обойдется, и хотя не совсѣмъ было благоразумно пускаться ночью въ лѣсъ съ ямщикомъ, не знающимъ дороги, но надѣясь на смѣтку и счастье русскаго человѣка или, сказать откровеннѣе, самъ разсчитывая на русское авось, ни на минуту не задумался и не поколебался ѣхать. И до сихъ поръ не знаю, тутъ ли мы ѣхали, но тащились мы необыкновенно долго. Ночь настала темная: ни мѣсяца, ни звѣздочки на небѣ, покрытомъ густыми облаками, изъ которыхъ къ утру полилъ проливный дождь. Дорога шла лѣсной просѣкой до такой степени узкой, что сани наши, въ которыхъ съ трудомъ можно было помѣститься двоимъ, едва проходили между деревьями, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе завязали такъ, что мы должны были выходить изъ нихъ и ставить ихъ бокомъ, чтобы протащить какимъ нибудь образомъ. Въ другихъ мѣстахъ они задѣвали за пни, торчащіе среди дороги. Лошади, запряженныя гусемъ, т. е. одна за другою, безпрестанно спотыкались за валежникъ и сухія деревья, лежавшія поперегъ дороги. — Въ одномъ мѣстѣ мы попали въ болото еще не промерзшее и лошади вязли по брюхо. Мужикъ здѣсь ѣздитъ на своихъ маленькихъ узенькихъ дровешкахъ: ему какъ бы нибудь только пробраться къ мѣсту работы, а объ направленіи дороги думать некогда. Наконецъ вотъ примѣта: *кресты,* о которыхъ говорилъ мужикъ. Значитъ, попали все-таки туда, куда нужно; и половину дороги проѣхали. Здѣсь мы не поворотили ни направо, ни налѣво, а поѣхали прямо, помня данный совѣтъ. *Кресты....* Здѣсь только, въ Семеновскомъ уѣздѣ, узналъ я объ этомъ особенномъ, трогательномъ обычаѣ русскаго человѣка и не умѣю сказать: есть ли онъ гдѣ въ другихъ мѣстахъ нашего отечества, въ чемъ конечно нельзя сомнѣваться, какъ и въ томъ, что этотъ обычай великой древности. Тамъ, гдѣ пересѣкаются двѣ дороги, на каждомъ перекресткѣ русскій человѣкъ привыкъ налагать на себя крестное знаменіе, и нерѣдко на перекресткахъ большихъ дорогъ вы видите часовенки или просто деревянные кресты, какъ напоминовеніе этого святаго христіанскаго и стариннаго русскаго обычая. А здѣсь, въ лѣсной глуши, нѣтъ такого перекрестка, на которомъ не стоялъ бы крестъ и иногда не одинъ. Кто же ихъ

ставитъ? Здѣсь считается святымъ дѣломъ въ родѣ тайной милостыни или никому невѣдомаго приношенія въ церковь Божію, втайнѣ отъ всѣхъ, даже отъ домашнихъ, срубить крестъ и ночью поставить его на перекресткѣ, дабы вызвать на молитву остановившагося на распутіи и послужить тѣмъ Богу живому.

Мнѣ разсказывалъ мѣстный лѣсничій: однажды съ ружьемъ бродилъ онъ по лѣсу своего лѣсничества. Ему было извѣстно, что въ этомъ лѣсу рубки не производилось, а между тѣмъ вдругъ онъ слышитъ стукъ топора. Идетъ на него, и въ глуши, далеко отъ дороги и лѣсной опушки, находитъ крестьянина, обтесывающаго только-что срубленное имъ дерево. Лѣсничій принялъ его за самовольнаго порубщика и, разумѣется, тутъ же далъ ему острастку, ибо, какъ извѣстно, самовольныя порубки строжайше запрещены. Крестьянинъ молчалъ. Но къ счастію лѣсничій былъ человѣкъ разсудительный и его не могло не уднвить, что мужикъ вздумалъ воровать лѣсъ въ цѣльной нетронутой рощѣ, и притомъ вдали отъ своего селенья, и въ такой чащѣ, откуда и вывозка деревъ была почти невозможна, тогда какъ тоже самое онъ могъ бы сдѣлать въ другомъ мѣстѣ съ полнымъ удобствомъ. Это заинтересовало лѣсничаго.

— Что тебѣ вздумалось воровать лѣсъ именно здѣсь? спросилъ онъ мужика.

— Нашъ, батюшка, грѣхъ: на томъ милости просимъ,—уклончиво отвѣчалъ мужикъ.

— Да Богъ тебя проститъ; одно дерево не бѣда, только ты вѣдь зналъ, что въ этой рощѣ не рубятъ и что здѣсь скорѣе попадешься; что же тебѣ вздумалось?

— Что дѣлать-то? ужь помилуйте! Такъ глупость наша.

Мужикъ видимо не хотѣлъ сказать настоящей причины.

Лѣсничій не могъ добиться толку и, приказавши виновному оставить дерево, пошелъ прочь отъ него. Мужикъ повалился въ ноги и сталъ просить, чтобы лѣсничій никому не сказывалъ, что видѣлъ, а дерево позволилъ бы взять ему, и наконецъ признался, что онъ далъ обѣтъ поставить крестъ, и чтобы люди не видали его труда нарочно ушелъ въ это мѣсто.

А между тѣмъ мы все ѣдемъ, и ѣдемъ очень долго: къ счастью еще стояло тепло, а то пришлось бы плохо. Оказалось, что дорога была вовсе не одна, хотя мы и ѣхали прямо: часто встрѣчались просѣки, на право и налѣво по которымъ столько же было удобно ѣхать, какъ и по той, которую мы избирали

для своего пути. Начали попадаться срубленныя деревья. Ямщикъ сходилъ, осматривалъ ихъ и возвращался съ увѣренностью, что ѣдемъ все такъ, къ зимницамъ, если даже и сбились съ кротчайшей дороги.

— Почему же ты это знаешь?

— А бревна комлями туда лежатъ.

И я узналъ, что срубленное бревно кладется комлемъ, т. е. толстымъ своимъ концемъ въ ту сторону, куда его слѣдуетъ вывозить: вывозятъ же бревна на рѣчку, гдѣ вяжутъ въ плоты и гдѣ по близости должны быть зимницы. Наконецъ запахло дымомъ, пріѣхали мы къ рѣчкѣ, увидѣли цѣлые вороха бревенъ, но зимницъ не видали: дорога отъ рѣчки шла и направо и налѣво. Ямщикъ и человѣкъ сидѣвшій на козлахъ сошли, начали бродить около того мѣста, гдѣ мы остановились, ища зимницъ и оглашая воздухъ дикими криками, которыми надѣялись пробудить отъ сна и вызвать лѣсныхъ обитателей. Но напрасно они бродили, напрасно охрипли кричавши: зимницъ не нашли, и отчаянные имъ вопли: эй вы! мужики!... ау!... есть ли кто?.. умирали въ сыромъ туманномъ воздухѣ безъ отзыва, даже безъ эха.

Хотя было тепло и мы не озябли, но продрогли порядкомъ, потому что воздухъ былъ проницательно сыръ и насъ завалило снѣгомъ, падавшимъ съ вѣтвей древесныхъ во время осьми или семи часоваго странствованія среди лѣсной чащи.

Положеніе наше становилось довольно щекотливо: съ полчаса стояли мы на одномъ мѣстѣ, не зная, въ которую сторону двинуться. Запахъ дыма паносило со всѣхъ сторонъ и онъ не могъ быть нашимъ путеводителемъ.

— Что же дѣлать-то? невольно спросилъ я ямщика, стоявшаго въ раздумьи.

Онъ ни слова не отвѣчая, съ рѣшительнымъ движеніемъ сѣлъ на козлы и направилъ лошадей налѣво.

— Развѣ сюда? Отчего же не направо?

— Сюда надо! убѣдительно отвѣчалъ ямщикъ и съ этой минуты я былъ почти увѣренъ, что дѣйствительно сюда надо. Мнѣ припоминалась тогда такая же сцена, но совершенно при другой обстановкѣ и я подивился, какъ русскій человѣкъ, куда его не поставь, вездѣ одинаковъ и вездѣ вѣренъ своему характеру.

Недальше, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, странствуя по Саратовской губерніи, я пробирался съ береговъ Волги Царицынскаго уѣзда на Иловлу. Точка, къ которой я

направлялся, было село Саламатино. Мнѣ оставалось до него двѣ станціи. Ѣхалъ я проселками на обывательскихъ или повинныхъ, какъ ихъ называютъ въ иныхъ мѣстахъ. Какъ теперь вижу, когда я спросилъ въ деревнѣ, гдѣ слѣдовало перемѣнить лошадей, десятскаго, передо мной предстала баба съ сердитымъ выраженіемъ лица и со словами: «я десятской! что надо»? и когда я объявилъ ей свое требованіе, она тотчасъ же подняла первую, валявшуюся на земли палку и, вооружась ею, какъ знакомъ своего достоинства, тою же палкой указали мнѣ хату, на хозяинѣ которой лежала очередь справлять гоньбу, и затѣмъ безъ вѣсти пропала. Я вошелъ въ указанную хату и къ моему огорченію узналъ, что хозяинъ уѣхалъ за сѣномъ. Правда, онъ скоро явился съ огромнѣйшимъ возомъ, но очень неблагосклонно принялъ гостя и, вѣроятно, мнѣ долго привелось бы ожидать лошадей, еслибъ я не догадался предупредить его, что плачу прогоны, а если онъ поторопится, то дамъ и на водку. Тогда тотъ же хозяинъ сталъ совсѣмъ другой человѣкъ: возъ, который надо было куда-то къ мѣсту свалить, мигомъ полетѣлъ на землю тутъ же, гдѣ стоялъ; лошадь, которую надо было покормить, оказалась сытою; другая, за которою надо было бѣжать чуть ли не за двѣ версты, вдругъ какъ изъ земли выросла; ямщикъ превесело улыбался мнѣ, выѣзжая за околицу.

— А что, баринъ, спрашиваетъ онъ меня, коли мнѣ теперь тебя везти до Таловки да тамъ сдать, такъ до Соломатина тебѣ будетъ верстъ пятдесятъ, а коли бы я тебя прямо провезъ степью, такъ всего бы было верстъ тридцать.

— Такъ чтоже? вези, братецъ, прямо: тѣмъ лучше.

— А ты за всѣ бы отдалъ?

— Разумѣется, отдамъ съ удовольствіемъ.

— Сколько же придется?

Я ему расчиталъ.

— Ничего бы можно, да только дороги-то не знаю: не бывалъ я.

— Ну, такъ, братецъ, нечего и дѣлать, коли дороги не знаешь и не бывалъ никогда по этой дорогѣ.

— Да оно степью какая дорога и слѣда-то нѣтъ, не то что: извѣстно, прямо поѣзжай... А нечто развѣ ѣхать?

— Да если надѣешься доѣхать, такъ отчего же? съ Богомъ!

— Да это какъ не доѣхать: не куда денемся. И остановился

онъ въ раздумьи и вдругъ, ни съ того ни съ чего хлеспулъ лошадей и ударился въ степь.

И точно также, какъ теперь, ѣхали мы долго, долго ѣхали, но безъ всякой дороги, безъ всякой примѣты, а такъ прямо, куда глазъ глядитъ, и также какъ теперь застигла насъ ночь. Но тогда я не безпокоился и не думалъ о томъ,—пріѣдемъ мы къ мѣсту, или заблудимся и должны будемъ ночевать въ степи. Меня утомили пустыя, голыя, сѣрыя, покрытыя полынью и выжженныя солнцемъ степныя прибрежья Волги Царицынскаго уѣзда и я радъ былъ провести ночь въ той зеленой степи, которою ѣхалъ. Послѣ знойной, пыльной атмосферы, которою дышалъ цѣлый мѣсяцъ, я съ жадностью глоталъ свѣжій, нѣсколько студеный, сыроватый и напоенный благоуханными испареніями травы воздухъ, лежавшій надъ зеленымъ моремъ, которое колыхалось вокругъ меня. Мнѣ было такъ хорошо, легко и отрадно смотрѣть въ голубое звѣздное небо и во всю безграничную разстилавшуюся вокругъ меня гладь и вслушиваться въ гармоническую тишину, но не безмолвіе, спящей степной природы,—ту тишину, которой, казалось, не нарушали, но съ которою сливались и топотъ лошадей и легкій скрипъ колесъ, катившихся, какъ по ковру, по мягкой травѣ. Весело мнѣ было бодрствовать мыслью и сердцемъ въ ту минуту, когда красоты Божьяго зданья закрываются сномъ предъ милліоннами глазъ....

Не знаю, что думалъ мой возница, а ѣхалъ все прямо, кажется и звѣздами не повѣряя своего пути. Но вотъ мы наконецъ уперлись въ большую торную дорогу и какъ разъ на распутьи: одна вѣтвь дороги шла вправо, другая влѣво. Ямщикъ мой не зналъ этой дороги и пріостановился въ раздумьи.

— Ну, куда же ѣхать? невольно спросилъ я.

— Знамо, направо! отвѣчалъ ямщикъ и поѣхалъ направо.

— Да, вѣдь ты не бывалъ здѣсь? Ну, а если дорога-то намъ налѣво, куда же мы пріѣдемъ?

— Куда больше пріѣхать? пріѣдемъ въ Саламатино! возразилъ онъ съ полной увѣренностью. И дѣйствительно мы пріѣхали въ Саламатино.

Такъ и теперь: я не напрасно повѣрилъ словамъ лѣснаго ямщика; запахъ дыма сталъ обдавать насъ все сильнѣе и сильнѣе, потомъ сквозь мракъ ночи замерцалъ огонекъ—,то былъ огонекъ въ зимницахъ.

— Пріѣхали! торжественно сказалъ ямщикъ, останавливая лошадей.

Начили окликать находившихся въ зимницѣ, но утомившійся на работѣ народъ спитъ крѣпко и мы насилу могли вызвать хозяина. Оказалось впрочемъ, что до той зимницѣ, въ которой мы предполагали ночевать было съ добрую версту, но это не бѣда: намъ указали дорогу и мы скоро добрались до ночлега.

Въ темнотѣ ночи я не могъ разсмотрѣть внѣшняго вида зимницы: замѣтилъ только, что мы остановились передъ не большимъ и не высокимъ зданіемъ. Черезъ окошко, или попросту сказать, дыру въ аршинъ величиною, которая служила окномъ и входомъ, свѣтился яркій огонь съ теплины, разложенной внутри зимницы, и густыми клубами вылеталъ дымъ. Привѣтливо манилъ къ себѣ этотъ яркопылавшій внутри землянки огонекъ и отраду обѣщалъ нашимъ прозябшимъ членамъ.

Я спѣшилъ пробраться къ нему, но съ непривычки это было не совсѣмъ легко: долго приналравливался я, какъ бы пролезть черезъ дыру, служившую входомъ, пока не догадался, что сначала надобно просунуть одну ногу, за ней другую и потомъ, по возможности согнувшись вдвинуться внутрь всѣмъ тѣломъ.

Поступивши такимъ образомъ, я очутился внутри зимницы, но въ туже минуту долженъ былъ присѣсть, потому что подъ потолкомъ стоялъ дымъ, захватывалъ дыханіе и невыносимо ѣлъ глаза. Почти ползкомъ сталъ я пробираться по земляному полу тѣсной зимницы, отыскивая какое нибудь помѣщеніе; отыскалъ у стѣны маленькой древесный отрубокъ и сѣлъ на немъ около очага. Пріятная теплота огня и сухость воздуха мгновенно согрѣла меня, дымъ струился надъ головою, не касаясь ея; я протеръ глаза, изъ которыхъ текли слезы и свободно уже могъ наблюдать предстоящую картину.

Въ землѣ вырывается яма около аршина глубиною и сажени двѣ квадратныхъ въ окружности. Въ нее запускается соотвѣтствующій мѣрою бревенчатый срубъ вышиною въ ростъ человѣка. Пола не настилается, потолокъ же выводится изъ бревенъ нѣсколько сводомъ. Въ одной стѣнѣ, вплоть надъ землею, прорубается окно или вѣрнѣе дверь, какъ уже разсказывалъ, около аршина величиною.

Лазейка эта имѣетъ створчатыя дверцы размѣромъ въ вышину на четверть меньше противъ самаго отверстія, для того, чтобы, когда они затворены, оставался свободный выходъ для

дыма поверхъ дверецъ, и въ то же время загражденъ былъ притокъ холоднаго воздуху снаружи, чрезъ что зимница очень скоро нагрѣвается даже отъ малаго количества дровъ. — Къ стѣнѣ противоположной входу, черезъ всю зимницу дѣлаются нары около сажени шириною. На аршинъ отъ нихъ, ближе къ двери, устраивается очагъ слѣдующимъ образомъ: дѣлается небольшой срубъ въ аршинъ вышиною и аршина полтора шириною и наполняется до краевъ землею.

Этотъ очагъ замѣняетъ печь, на немъ всю ночь непрерывно горитъ огонь, нагрѣвая своею теплотою и дымомъ убогую хату, на немъ же варится пища. Вотъ общій внутренній видъ и устройство зимницы. — На другой день утромъ я разсмотрѣлъ, что по бокамъ зимницы придѣлываются хлѣвы для лошадей довольно просторные, и, кажется, даже болѣе удобные нежели то помѣщеніе, которое устроилъ человѣкъ для себя. Все это убогое зданіе покрыто одной кровлей, которая выступаетъ впередъ его навѣсомъ: подъ нимъ хранится сѣно для корма лошадей.

Въ зимницѣ, которую мы избрали своимъ ночлегомъ и которая принадлежала мужу доброй хозяйки, угощавшей насъ медомъ, я увидѣлъ человѣкъ шесть, лежавшихъ на нарахъ. Нары были покрыты грязными рогожами, овчинные полушубки служили изголовьемъ, дырявые сѣрые зипуны—одѣяломъ, грязные лапти и онучи висѣли надъ головами на закоптѣлыхъ жердяхъ и валялись между лежавшими. Потолокъ, стѣны, два котелка, въ которыхъ варится пища, были покрыты копотью на палецъ. Лица хозяевъ были черны отъ грязи и дыма. Когда я черезъ четверть часа пребыванія въ зимницѣ дотронулся до лица платкомъ, то увидѣлъ, что и на мнѣ уже лежалъ слой копоти. И въ этомъ дыму, въ этой тѣснотѣ, грязи и копоти можетъ жить русскій человѣкъ большую половину жизни!...

Старшій хозяинъ зимницы былъ высокій, тощій, костлявый старикъ лѣтъ 80-ти. Онъ лежалъ съ краю и не измѣнилъ своего положенія при нашемъ приходѣ; даже не привсталъ. Сынъ его такой же высокій, но широкоплечій здоровый мужикъ, лѣтъ подъ 50, съ добрымъ лицомъ и длинной рыжей бородой, поднялся съ мѣста и встрѣтилъ насъ, какъ хозяинъ. Остальные, лежавшіе на нарахъ, были работники хозяина. Они молча посматривали на насъ; но мы знали, чѣмъ развязывается языкъ русскаго человѣка, и приказали принести изъ саней большую бу-

тыль, взятую нарочно съ этою цѣлью. Впрочемъ къ крайнему моему удивленію и удовольствію ни старикъ-хозяинъ, ни его сынъ, ни двое работниковъ не хотѣли даже попробовать вина, несмотря на всѣ наши убѣжденія. Спутникъ мой, знавшій всѣхъ здѣшнихъ крестьянъ, послалъ звать ихъ изъ сосѣднихъ зимницъ, но пьющими оказались только трое или четверо; между ними особенно отличался бывшій ратникъ, сначала очень забавлявшій, а потомъ надоѣвшій мнѣ своими разсказами о томъ, какъ они стояли съ дружиною въ Хохлахъ.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ мало пьютъ водки и въ праздничныя гулянья ограничиваются больше брагой и хмѣльнымъ медомъ.

Мало по малу завязалась оживленная бесѣда. Не отвергнувшіе нашего угощенія уже затѣвали пѣсню, но и прочіе, видя нашу простоту и радушіе, бросили осторожность и повели откровенный разговоръ; одинъ только нашъ старикъ-хозяинъ оставался молчаливъ и, какъ видно, недоволенъ совершавшеюся передъ его глазами шпрушкой.

— Вотъ пить да гулять, такъ пожалуй на всю ночь рады, а работать такъ насъ нѣтъ! брюзжалъ старикъ.

— Не бось, мы на все поспѣемъ, возражалъ ратникъ. Вотъ какъ, бывало, у насъ ротный....

— Ладно, ротный. Знай про себя: слыхали!

— Что, видно, братъ, дѣдушка-то не любитъ вамъ давать воли: не даетъ лѣниться-то! сказалъ я.

— Да ему что, сполагоря: отъ него только и есть, что ну, да проворнѣй!... до свѣта подыметъ, соснуть не дастъ, а самъ-отъ не больно за топоромъ-то кланяется, только понукаетъ людей, да покрикиваетъ!... отозвался одинъ изъ работниковъ.

— Ладно! поживи съ мое, да поломайся съ мое, а тутъ и говори, — сердито возразилъ старикъ.

— Да мнѣ-то что? все едино: я не на него работаю, на себя, продолжалъ ратникъ. Пущай ты, обратился онъ къ одному парню, — ты коренной работникъ, на жалованьи, а я что вывезъ, за то и денежки получилъ.

Въ это время человѣкъ подавалъ мнѣ трубку.

— Да ты уголекъ подай ему, обратился къ нему ратникъ. Какъ мы бывало въ походѣ или въ Хохлахъ, у насъ эти трубки.... сколько! все угольком раскуривали.

— Ну, ребята, давай запоемъ нашу ратницку.... Я начну.... слушай.

— Ну, зазѣвалъ! сердито промолвилъ старикъ, непріязненно посматривая на расходившагось ополченца. — Деньги забирать али орать, такъ мастеръ, а къ работѣ — нѣтъ.

Я попросилъ сына старика растолковать мнѣ, на какихъ условіяхъ работаетъ на него ратникъ и прочіе его работники.

— У насъ, видишь ты, какой порядокъ заведенъ: вотъ я теперь знакомство веду съ лыковскими торговцами, это по нашей лѣсной части. Вотъ я у нихъ тамъ у котораго ни-на-есть деньги и забираю, тамъ пятьсотъ ли, тысячу ли рублей, да вотъ этакимъ и раздаю: кому 60, кому 70 ассигпаціями; ему деньги нужны, въ домъ ли, на подушны ли, а достать не начемъ, вотъ онъ и забираетъ впередъ, а тутъ зиму-то на меня и заработываетъ: рубитъ. Тамъ весна придетъ, какая цѣна на лѣсъ обнаружится, сколько бревенъ кто вырубитъ, потому его и разсчитываю. А то такъ работника нанимаю на всю зиму, на счетъ того: ужь онъ дѣлай, что велю....

— Какъ ты говоришь, какая цѣна обнаружится? Развѣ работникъ не дѣлаетъ съ тобой напередъ условія: по чемъ ему получать съ бревна?

— Да какъ онъ сдѣлаетъ условіе? Я и самъ-то не знаю, какая цѣна откроется, это ужь какъ лыковскіе купцы какую цѣну назначатъ.

Такимъ образомъ вся Лыковская волость или лучше сказать весь лѣсный промыслъ по Керженцу — жертва монополіи капиталистовъ села Лыскова.

Ни у одного изъ крестьянъ Лыковской волости нѣтъ на столько денежныхъ средствъ и предпріимчивости, чтобы производить выдѣлку лѣса на собственный счетъ и потомъ сплавивши плоты до устья Керженца, или ниже по Волгѣ, продать ихъ по вольной цѣнѣ. Болѣе зажиточный, больше семейный или смышленый крестьянинъ идетъ въ Лысково къ лѣсопромышленнику и проситъ у него денегъ, обѣщаясь весною выставить ему примѣрно такое-то количество бревенъ. Лѣсопромышленникъ даетъ ему денегъ безъ всякихъ условій, но за то весною, когда плоты пригнаты и когда крестьянинъ проситъ окончательной раздѣлки, онъ по соглашенію съ такими же другими лѣсопромышленниками, также имѣющими своихъ должниковъ, назначаетъ произвольную цѣну и разумѣется получаетъ лѣсъ крайне дешево.

Точно также и крестьянинъ, забиравшій деньги непосредственно отъ лѣсопромышленника и такимъ же точно порядкомъ

раздававшій впередъ другимъ бѣднѣйшимъ, малосемейнымъ и менѣе его смышленнымъ крестьянамъ, при окончательной раздѣлкѣ старается скрыть настоящую цѣну, которую получилъ отъ хозяина, и наровитъ разсчитать своихъ работниковъ подешевле. Однимъ словомъ, въ этой торговлѣ, взаимное довѣріе основано на обманѣ и взаимный обманъ на довѣріи: я тебѣ вѣрю деньги, потому что ты даешь мнѣ возможность обмануть тебя и получаешь возможность обмануть другаго и я тебѣ позволяю меня обманывать за то, что ты довѣряешь мнѣ деньги и тѣмъ даешь возможность обмануть другаго. Почти къ такой формулѣ можно привести отношенія лѣсопромышленниковъ по Керженцу. Разумѣется, при этомъ гдѣ капиталистъ обманываетъ бѣдняка на рубли, тамъ бѣднякъ обманываетъ своего бѣднѣйшаго собрата на копѣйки. И эта зависимость рабочихъ рукъ отъ капиталистовъ и произволъ послѣднихъ въ опредѣленіи цѣнности труда у насъ въ Россіи встрѣчается не только здѣсь, но весьма часто. Укажу только одинъ примѣръ, но полагаю довольно рѣзкій.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ у насъ есть такъ называемыя бумажныя фабрики. Хозяева ихъ, купцы-капиталисты, покупаютъ бумажную пряжу, разматываютъ ее, приводятъ въ форму основы и утока и затѣмъ раздаютъ по деревнямъ, на дома крестьянъ для тканья канифасовъ, китаекъ и т. п. Крестьянинъ тчетъ, забираетъ у хозяина впередъ деньги, но до извѣстнаго срока, иногда въ теченіе цѣлаго года, не знаетъ по какой цѣнѣ онъ работаетъ и почемъ хозяинъ заплатитъ ему за трудъ.—Разумѣется, всѣ фабриканты очень единодушно желаютъ уменьшенія задѣльной платы, и дѣло приходитъ къ такому результату, что всѣ капиталисты становятся милліонерами, а плата за трудъ зависитъ отъ произвола а иногда совершенно не вознаграждаетъ работника.

— Сколько же можетъ выработать въ зиму мужикъ съ одною лошадью? спросилъ я нашего хозяина.

— Да, ретивый, рублей сто на ассигнаціи *замотаетъ* черезъ зиму-то.

— Что же вы дѣлаете лѣтомъ?

— Лѣтомъ, извѣстно, около дома: хлѣбопашествомъ занимаемся, да хлѣбъ-то у насъ больно плохо родится: семьи-то не прокормишь.... Плохіе наши достатки!... Только зима-то и кормитъ. Да вотъ нонѣ какая стоитъ: Микола прошелъ, а мы толь-

ко что въ лѣсъ-отъ выѣхали. Вотъ *зимушней зимой* нечего сказать, благодаренье Богу, поработали, а попѣ плохо.

Зима въ иныхъ краяхъ—отдыхъ для крестьянина, время лѣни и лежанья на печи, а здѣсь—это самая работящая, самая страдная пора. И здѣшній мужичекъ ждетъ ея и любитъ ее, какъ свою кормилицу, несмотря на кровавый потъ, на всѣ лишенія и страданья, съ которыми добываетъ свой насущный хлѣбъ! Онъ охотно разстается и со своей семьей и съ чистой просторной избой, съ радостью идетъ въ эту дымную, курную лачугу для того, чтобы выработать средства существованія.

— А вѣдь, чай тошно иной разъ по семьѣ? спросилъ я своего собесѣдника.

— Ничего не тошно! вдругъ отозвался старикъ.

— Какъ, дѣдушка, неужто не подумается о домѣ? Ну, ты вотъ старикъ, ты нажился со своей старухой, а вотъ тутъ молодые ребята, у нихъ чай жены остались, тоже чай, грустится.

— Вотъ есть о чемъ! безъ бабы лучше.... Ну ихъ!... Отъ нихъ никакого прока нѣтъ. — На смерть ихъ не люблю.

— Что ты, дѣдушка, за человѣкъ? сказалъ я, со смѣхомъ:— водки ты не пьешь, бабъ не жалуешь; что же ты любишь?

— Что люблю? хлѣбъ,—рѣзко отвѣчалъ старикъ.—А въ бабахъ пути нѣтъ: я вотъ со второй живу. Сказать тебѣ: я на крестинахъ былъ у теперешней-то моей хозяйки. — А лучше безъ нихъ, завсегда скажу, что лучше.

— Да будетъ вамъ орать-то, обратился онъ къ развеселившимся, неумолкавшимъ пѣсенникамъ.—Ишь, складъ-отъ какой! Ложились бы спать, а то завтра продрыхните.

— Да ты бай, бай свое! возразилъ ратникъ. Вотъ кабы дѣдушка Петръ былъ, тотъ бы господъ позабавилъ; тотъ бы и выпить не отсталъ и пѣсенку бы завелъ, даромъ что старикъ. А вотъ, братцы, какъ въ Хохлахъ, такъ тамъ пѣсни совсѣмъ неэки, что у насъ. Вотъ нѣтъ дѣдушки Петра, вотъ бы мы съ нимъ....

Это имя дѣдушки Петра уже поминалось не первый разъ.— Между сторонними посѣтителями зимницы былъ и его сынъ, который также отказался отъ предлагаемой чарки и промолвилъ:

— Вотъ кабы батюшка былъ, онъ бы выпилъ, ужь и съ вами бы побаялъ.

— Ужь бы, братъ, дѣдушка Петръ, ужь тотъ бы, братъ, выпилъ и господъ бы уважилъ! подтвердило нѣсколько голосовъ.

— Надо полагать, что этотъ дѣдушка Петръ старикъ веселый, говорунъ и балясникъ и человѣкъ видно бывалый.—Гдѣ же онъ?

— А онъ ушелъ на лыжахъ верстъ за семь проминать дорогу черезъ болото. — Гдѣ болото худо промерзло и только сверху застыло, такъ тамъ дѣдушка будетъ прорубать, чтобы болото глубже замерзло и дорога для возки бревенъ сдѣлалась удобна.— Тамъ есть старая брошенная зимница онъ и ночуетъ въ ней одинъ-одинешенекъ.

— Видно этотъ дѣдушка не только лясы точитъ, а и работать мастеръ?

— И, да онъ за троихъ молодыхъ сработаетъ, даромъ что старъ, подтвердило нѣсколько голосовъ.

Жаль, что не привелось мнѣ видѣть дѣдушки Петра.

— Скажи, пожалуйста, обратился я къ своему собесѣднику:— зачѣмъ вы строите такія дымныя, грязныя зимницы; не лучше ли бы построить избушку съ печью?

— Нѣтъ, изба съ печью будетъ не сподручна. Вѣдь цѣлой день мы въ лѣсу, зимница стоитъ пустая, настынетъ; пріѣдешь, перезябнешь, печку надо растапливать, когда еще растопится, закроешь ее, днемъ-то изба пастыла, сырость пойдетъ, да угаръ. А тутъ пріѣхалъ: огонъ запалилъ, зимница-то мигомъ нагрѣется, и самъ вокругъ огонька-то обогрѣешься и одежа просохнетъ, ни сырости, ни угару нѣтъ,—важно. Опять цѣлую ночь около огонька лежишь; къ лошадямъ ли сходить, сейчасъ огонь есть; уѣдешь утромъ-то, загребешь уголья, ночью пріѣхалъ. еще огонекъ-отъ все держится, только разгреби, да вздуй. А избу нѣтъ, никакъ невозможно по нашей работѣ.

— Развѣ вы цѣлый день ни пріѣзжаете въ зимницу?

— А какъже, цѣлый день въ лѣсу. Вотъ утромъ всталъ, пообѣдалъ, да и на работу, вечеромъ пріѣхалъ, — ужина.

— А днемъ ничего и не ѣдите?

— Да когда ѣсть-то? Нѣтъ, не ѣдимъ.

— И хлѣба не берете съ собой?

— Нѣту. Да какъ его брать-то? морозы-то пойдутъ, замерзнетъ такъ, что и не угрызешь.

— Чтоже вы ѣдите?

— Что? хлѣбъ, щи варимъ, когда съ забѣлой; молоко хлебаемъ, коли есть; ну, кашу когда.

— А вотъ теперь въ постъ.

— А вотъ посмотри ужо, станемъ обѣдать. Что въ постъ-отъ? хлѣбъ, да горохъ варимъ, когда кашицу съ грибами,—болотники у насъ прозываются; да, правда, рѣдко же кашицу-то, все больше горохъ хлебаемъ.

Между тѣмъ кое-кого изъ нашего общества уже сталъ одолѣвать сонъ; спутники мои, пригрѣтые огонькомъ давно уже храпѣли; изъ числа четырехъ пѣсепниковъ осталось только двое на сценѣ и тѣ, кажется, допѣвали послѣднюю пѣсню, покачиваясь и съ полузакрытыми глазами. Я видѣлъ, что во снѣ нуждался и мой собесѣдникъ и посовѣстился долѣе отрывать его отъ этого не послѣдняго блаженства для работящаго человѣка, да и мои глаза какъ-то тяжело смотрѣли на свѣтъ. Устроившись какъ могъ удобнѣе на нарахъ, я думалъ уснуть, но напрасно: и пѣсни утихли, и дольше всѣхъ бодрствовавшій ратникъ замолкъ, съ послѣднимъ воспоминаніемъ о Хохлахъ уткнулся головой въ стѣну и захрапѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ, и всѣ спали кругомъ, и меня сильно клонило ко сну, но явились тысячи новыхъ и такихъ докучныхъ собесѣдниковъ, что сонъ бѣжалъ отъ глазъ, какъ я ни призывалъ его. — Съ завистью посматривая на сладко спящихъ сосѣдей, съ мучительной головной болью, развлекая себя лишь подкладываніемъ дровъ въ теплину, да наблюденіемъ за струями дыма, вившагося подъ потолкомъ, провелъ я эту безпокойную ночь и, когда часы показали пять, разбудилъ старика и заботливо предупредилъ его, что *скоро* будетъ свѣтать, и я полагаю, что имъ пора готовить себѣ обѣдъ. Къ моему величайшему удовольствію старикъ со мной согласился, разбудилъ сына и работника и самъ сталъ обуваться. Работникъ сначала съ зажженой лучиной сходилъ задать корма лошадямъ, потомъ сплеснулъ себѣ водою лицо и руки, послѣ чего они показались мнѣ еще грязнѣе, перекрестился на маленькій мѣдный образокъ, висѣвшій у входа, снялъ одинъ изъ котелковъ, налилъ въ него воды, всыпалъ гороху, покрылъ крышкой и, прицѣпивши деревяннымъ крюкомъ къ жерди, повѣсилъ его надъ огнемъ. Затѣмъ онъ взялъ другой котелъ и началъ класть въ него что-то изъ мѣшка.

— Что это такое? спросилъ я его.

— Гуньба.

— Что?

— Гульба, земляная рѣпа.

— Что за земляная рѣпа? покажи-ко, братъ.

Оказалось, что это былъ просто картофель. Работникъ залилъ его водою и поставилъ къ огню варить. Далѣе я видѣлъ, какъ онъ досталъ валявшуюся гдѣ-то мутовку и, поплевавши на ладони началъ ею мѣшать горохъ. Пока и то и другое кушанье варилось, одинъ за другимъ поднялись со сна и прочіе работники.

Проснулся и нашъ ратникъ, но уже угрюмый и молчаливый...

Когда варево было готово, хозяева усѣлись вокругъ котла и принялись обѣдать; сначала ѣли горохъ, потомъ вареный картофель съ хлѣбомъ и солью. Старикъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, несмотря на свою худобу, и я готовъ былъ повѣрить, что онъ точно больше всего на свѣтѣ любитъ хлѣбъ. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ артели: хотя работникъ, забиравшій у хозяина деньги впередъ, и живетъ въ его зимницѣ, но пищу каждый себѣ приготовляетъ особенно.

Пообѣдавши, всѣ по приказанію старика стали запрягать лошадей и чуть стало свѣтать, уѣхали въ лѣсъ на работу. Зимницы никогда не запираются и не бывало примѣра, чтобы изъ нихъ что нибудь пропало: правда, не на что и покорыститься. Мы тоже собрались въ обратный путь. Недалеко отъ зимницы встрѣтили нашихъ знакомцевъ и пріостановились, чтобы попрощаться съ ними. Лица у всѣхъ такъ были грязны и закоптѣлы, какъ у угольниковъ, но и при дневномъ свѣтѣ я ни на одномъ не замѣтилъ сердитаго или недовольнаго выраженія: всѣ смотрѣли добродушно, весело и привѣтливо. Сердитый и брюзгливый вчера старикъ здѣсь, въ лѣсу, оказался весельчакомъ и говоруномъ.

— Будете проѣзжать нашей-то деревней, заѣзжайте опять къ намъ, сказалъ старикъ:—да слушай, баринъ, прибавилъ вчерашній ненавистникъ женщинъ, приклонясь ко мнѣ съ лукавой улыбкой: пугни старуху-то мою; скажи, что-молъ и меня и сына подъ судъ отдашь. Ничего, пошути, молви. Пусть ихъ тамъ думаютъ, что будетъ.

Онъ вызвался даже проводить насъ и указать кратчайшій путь. Дорогой болталъ безъ умолку: видно было, что лѣсъ, въ которомъ старикъ провелъ всю свою жизнь, веселилъ и оживлялъ его. Онъ разсказывалъ про своего дѣдушку, который нѣсколько десятковъ лѣтъ провелъ отшельникомъ въ этомъ самомъ лѣсу и умеръ на стосороковомъ году, указывалъ и мѣсто, гдѣ была хижина старца.

Какъ видно пустынникъ былъ зараженъ расколомъ, потому что полиція сильно его преслѣдовала; его брали и представляли къ архіерею, но старецъ такъ былъ хилъ и изнуренъ годами, постомъ и молитвой, что архіерей, по словамъ разскащика, ужаснулся; думалъ, что къ нему привезли мертвое тѣло и велѣлъ отпустить его.

Замѣтя мое любопытство, съ которымъ я обо всемъ распрашивалъ, старикъ обратилъ мое вниманіе на бревна, связанныя въ плотъ. Плоты здѣсь сбираются небольшія, для удобства сплава по извилистому не широкому Керженцу. Берутся двѣ длинныя слѣги или толстыя жерди, поперегъ ихъ накатываютъ рядъ бревенъ; потомъ сверхъ этого ряда противъ каждой нижней длинной слѣги накладываютъ по двѣ короткихъ, но такой мѣры, чтобы концы ихъ, покрывая весь рядъ бревенъ, сходились вмѣстѣ; затѣмъ сначала связываютъ деревянными кольцами внѣшніе концы нижней и двухъ верхнихъ слѣгъ, а потомъ крѣпко стягиваютъ между собою внутреннie концы каждыхъ двухъ верхнихъ слѣгъ,—и плотъ готовъ.

Кольца вьются изъ молодыхъ березокъ довольно оригинальнымъ образомъ. Березку около дюйма толщиною распариваютъ на огнѣ и, когда она дойдетъ до извѣстной степени гибкости, тогда ее, еще горячую, одинъ беретъ въ руки за топкій конецъ и крѣпко держитъ, а другой за толстый и закручиваетъ около перваго. Такимъ образомъ березка получаетъ такую гибкость, что послѣ того легко свивается въ кольцо. Ко вскрытію воды всѣ вырубленныя бревна уже свезены къ рѣкѣ и связаны въ плоты. Полая вода поднимаетъ ихъ и уноситъ въ низъ по теченью.

Когда ни одного уже плота не осталось на мѣстѣ, тогда рабочіе изъ сухоподстойныхъ деревъ сплачиваютъ особенный плотъ, называемый *харчевымъ*, и на немъ отправляются вслѣдъ за уплывшими для того, чтобы сопровождать ихъ до самой пристани: столкнуть съ мѣста, если плотъ остановился, вновь собрать и

связать, если какимъ нибудь образомъ разобьется. Въ этомъ путешествіи тоже не мало труда и лишеній. Часто надо бываетъ лѣзть въ холодную весеннюю воду, чтобы столкнуть плотъ съ мели; не рѣдко надо употреблять въ дѣло воротъ, или *ходить на трубку*, какъ выражаются лѣсопромышленники, если плотъ такъ крѣпко засѣлъ въ береговой песокъ, что его нельзя стащить никакимъ другимъ средствомъ. Въ послѣднемъ случаѣ поступаютъ такимъ образомъ: врываютъ на берегу въ землю перпедикулярно освобожденное отъ сучьевъ бревно, на которое надѣваютъ нарочно приготовленную трубу, сдѣланную также изъ дерева, сердцевина котораго выпута; потомъ весь плотъ обвязываютъ копатомъ, одинъ конецъ этого каната привязываютъ къ толстому рычагу, посредствомъ котораго и начинаютъ завивать конатъ около трубки. Этотъ-то способъ и называется ходить на трубку. Путешествіе на харчевомъ плотѣ продолжается нѣсколько недѣль и потому рабочіе на все это время запасаются провизіей. На немъ устраивается *шалашъ* и постоянно горитъ теплина. На ходу онъ ничѣмъ не управляется и плыветъ по произволу воды; употребляются лишь одни шесты для того, чтобы оттолкнуться отъ берега или пристать къ нему.

Такъ живетъ лѣсный дикарь въ суровой нуждѣ, въ вѣчной нуждѣ, и тяжелой, мало вознаграждаемой работѣ! И, знать очень тяжекъ его трудъ и велика забота о насущномъ хлѣбѣ, что не смотря на постоянную жизнь среди природы, такъ располагающую къ мистицизму, воображеніе его спитъ крѣпкимъ сномъ: здѣсь нѣтъ никакихъ повѣрій, по крайней мѣрѣ я не могъ добиться ни отъ кого никакого представленія даже о лѣшемъ. Нельзя полагать, чтобы народъ, живущій въ лѣсной глуши, былъ чуждъ суевѣрья и языческихъ преданій, по ему некогда думать о такихъ вещахъ, нѣтъ досуга для воображенія. За то нужда развиваетъ корыстныя желанія, и здѣсь сильная вѣра въ клады; изъ устъ въ уста переходятъ разсказы, изъ рукъ въ руки какіе-то *списки*, въ которыхъ указываются примѣты для отыскапія кладовъ; здѣсь много крестьянъ, у которыхъ кладоисканіе превратилось въ какую-то болѣзнь.

Въ Хохалахъ я встрѣтилъ одного изъ такихъ записныхъ кладоискателей. Съ полнымъ убѣжденіемъ разсказывалъ онъ, что знаетъ три мѣста, гдѣ лежатъ клады, что всѣ примѣты, кото-

рыя онъ узналъ отъ старыхъ людей и изъ списковъ, какъ разъ указываютъ на эти мѣста.

— Отчего же ты не можешь взять ни одного клада?

— По слабости своей. На одинъ кладъ я ходилъ съ братомъ; всѣ примѣты подошли. Сказано было: вотъ въ этакомъ мѣстѣ стоитъ сосна; на ней написаніе,—точно нашли сосну и написаніе было; только что время прошло довольно, дерево выросло, кора разлезлась, какія слова были написаны,—не разберешь. Отъ этой сосны пройди 50 шаговъ по солнечнему восходу, будутъ три ямы—все такъ: знать, что были три ямы, только что, извѣстно, времени много прошло, ихъ и землей занесло и водой замыло, знакъ одинъ остался, что были ямы. Отъ середней ямы земляный змѣй;—куда носомъ показываетъ, тутъ рой. Точно: изъ земли ровно бы змѣй, насыпь такая. Все вышло, какъ быть. Когда станешь рыть, будетъ большой камень въ землѣ, а подъ этимъ камнемъ кладъ. Что же ты думаешь? вотъ передъ истиннымъ Богомъ говорю, стали рыть, дорылись до камня. Тутъ, какъ дорылись до камня, вдругъ меня зашатало, голова въ круги пошла и объ землю меня ударило. Не снесъ.. Говорю брату: бросай все, пойдемъ домой. Живота своего стало жаль.

И странное дѣло: издалека, за сотни верстъ приходятъ сюда отыскивать кладовъ. Цѣлыя деревни вполнѣ убѣждены, что на ихъ земляхъ вотъ въ такомъ-то мѣстѣ зарытъ кладъ и когда узнаютъ, что изъ чужихъ селеній выискиваются смѣльчаки взять этотъ кладъ, вооружаются и преслѣдуютъ ихъ во время поисковъ, боясь, чтобы сокровище не досталось въ чужія руки. Общее преданіе говоритъ, что во время оно на Керженцѣ жили разбойники, которые выѣзжали на Волгу грабить суда и награбленныя сокровища зарывали въ землю,—эти-то сокровища и талятся кладами до счастливаго. А случай поддерживаетъ преданіе и общую въ него вѣру. Какой-то крестьянинъ, по словамъ тогоже кладоискателя, дѣйствительно нашелъ кладъ; «ужь это не то, что съ чужаго голоса говорю, объяснялъ онъ, самъ своими глазами видѣлъ казну—серебряныя старинныя деньги, самъ вымѣнивалъ въ Макарьевской на пынѣшнія.

Первоначальные поселенцы Семеновскаго уѣзда были бѣглые раскольники. Глухіе лѣса, начинавшіеся отъ самаго берега Волги и идущіе вверхъ на сѣверъ не прерывной грядой, были для нихъ желаннымъ убѣжищемъ и надежнымъ защитникомъ

отъ преслѣдованій. И до сихъ поръ Семеновской уѣздъ можетъ считаться, по преимуществу раскольничьимъ, хотя и есть цѣлыя волости незараженныя расколомъ. Въ Семеневскомъ уѣздѣ множество урочищъ, пользующихся особеннымъ священнымъ уваженіемъ старообрядцевъ. Такъ свѣтло озеро или Святое озеро, въ которомъ по убѣжденію раскольниковъ не можетъ потонуть никакая живая тварь, вода котораго освящаетъ тѣло и укрѣпляетъ здоровье. Рядомъ съ нимъ гора Кутежъ, внутри которой будто бы скрывается монастырь и избранные могутъ даже слышать иногда благовѣстъ къ богослуженію. Указываютъ на мѣсто, гдѣ епископъ Пинтиримъ, самъ бывшій сначала раскольникомъ, имѣлъ каѳедру, съ которой проповѣдывалъ своимъ оставленнымъ братіямъ слово Божіе, вступалъ съ ними въ состязаніе, а непокорныхъ будто бы предавалъ казни на висѣлицахъ, тутъ же поставленныхъ. Рѣка Керженецъ по преимуществу раскольничья: по ней и по близости ея расположено множество раскольничьихъ скитовъ мужскихъ и женскихъ, хотя по ней же живутъ и наши добрые знакомцы, Лыковской волости мужички, которыхъ къ счастію не коснулись соблазны раскола. Скиты эти въ настоящее время, благодаря заботливости правительства, уже утратили свое прежнее значеніе: одинъ или два изъ нихъ обращены въ единовѣрческіе монастыри, иные вовсе оставлены, другіе обезлюдились. Въ одномъ изъ нихъ, женскомъ, мнѣ удалось побывать вмѣстѣ съ г. Л., который имѣлъ знакомую какую-то мать Иринархію.

Скитъ состоитъ изъ нѣсколькихъ обителей или отдѣльныхъ обиталищъ и въ наружномъ видѣ своемъ представляетъ обыкновенную деревню. Въ каждой обители есть начальница какъ бы игуменья или настоятельница, которая и принимала къ себѣ въ былое время молодыхъ дѣвицъ или старухъ, жаждавшихъ спасительнаго уединенія отъ суеты мірской и монашескаго житія. Богатыя, разумѣется, приносили съ собою большіе вклады и посвящали себя исключительно молитвѣ; бѣдныя находились въ послушаніи, т. е. въ услуженіи у матушки игуменьи и ея богатыхъ прижившлокъ. Почти при каждой такой обители находилась моленная, уставленная по всѣмъ стѣнамъ образами. Мать Иринархія была настоятельницею одной изъ такихъ обителей. Когда мы подъѣхали къ ея дому, г. Л. предупредилъ меня, что намъ придется долго стучаться, пока ото-

прутъ: осторожныя отшельницы сначала постараются высмотрѣть, кто пріѣхалъ и, если гость опасный, то припрятать все, что не желаютъ они показать постороннему любопытству. Такъ и случилось: довольно долго возились мы то у одного, то у другаго крылечка (а такихъ крылечковъ очень много во всякой обители), пока послышался за дверями голосъ: кто тутъ? Когда Л. назвалъ себя, то двери тотчасъ отворились, явилась суетливая старуха и повела какими-то темными корридорами въ келью къ матушкѣ.

Мать Ириархія оказалась очень тучная дѣвица среднихъ лѣтъ въ сарафанѣ и въ большомъ платкѣ на головѣ. Я отрекомендовался проѣзжимъ петербургскимъ купцомъ, причемъ матушка объявила, что и она бывала въ Петербургѣ. Въ непродолжительномъ времени, по поводу разговора объ умаленіи велелѣпія часовенъ скитскихъ, разсматривая предложенную мнѣ опись образамъ, отобраннымъ изъ часовни матери Ириархіи, я усмотрѣлъ что оная мать называется въ описи крестьянской дѣвкой Ириной Васильевой, но какъ всѣ предстоящія, и весь скитъ, и всѣ знающіе именуютъ ее матушкой Ириархіей, то и я оставляю за нею это имя, не входя въ разсужденіе, откуда и по какому праву пріобрѣла она его.

Келья, въ которой приняла насъ мать Ириархія и которая была ея собственнымъ помѣщеніемъ, состояла изъ большой чистой комнаты, раздѣленной двумя перегородками, сходившимися подъ прямымъ угломъ, на три части, изъ которыхъ одна была какъ бы прихожая, другая служила пріемной или гостиной, третья—спальнею. Вездѣ была опрятность и чистота, рѣзко бросавшіяся въ глаза. Въ пріемной стояли столъ и нѣсколько стульевъ, въ переднемъ углу кіота со множествомъ образовъ, разумѣется, старинныхъ, на стѣнахъ висѣло нѣсколько картинъ: двѣ изображали царей или великихъ князей древней Руси, о чемъ можно заключить по ихъ одѣянію, двѣ—событія изъ недавно минувшей войны. Во всѣхъ этихъ комнатахъ ничто не напоминало о расколѣ ея обитателей, кромѣ развѣ пелены подъ кіотой, на которой вышитъ осьмиконечный крестъ: ни лестовокъ (раскольничьихъ четокъ), ни подручниковъ, ни старинныхъ книгъ Св. писанія не было видно, — все это, я увѣренъ, на всякій случай было припрятано ради нашего пріѣзда.

Мать Иринархія, успокоенная знакомымъ лицомъ Л. и моимъ борадатымъ благообразіемъ, а равно и одѣяніемъ, нѣсколько старинноруссkаго характера, приняла насъ очень благосклонно, захлопотала объ угощеніи, тотчасъ же послала за матерью Анной. Зачѣмъ было послано за послѣднею, я и до сихъ поръ понять не могу, но мать Анна явилась въ лицѣ высокой, сухощавой женщины. Явилось и угощеніе, принесенное той самой суетливой старухой, которая отперла намъ дверь и была, вѣроятно, въ услуженіи или на послущаніи у матушки Иринархіи, почему и держалась больше въ первой, замѣняющей переднюю комнаткѣ. Угощеніе, было очень разнообразное: закипѣлъ самоваръ, рядомъ съ нимъ на столѣ поставлена была водка, орѣхи каленые, соленые огурцы и рыжики, моченыя яблоки. Искусствомъ, соленья и моченья скиты славятся. Я не умѣю навѣрно сказать: употребляютъ ли сами скитянки чай, который въ иныхъ сектахъ считается тяжкимъ грѣхомъ, такъ какъ кто пьетъ чай, тотъ *отчаяваетъ для* себя Царство Небесное, и держатъ его только для мірскихъ посѣтителей, но покрайней мѣрѣ вмѣстѣ съ нами не пили чаю ни мать Иринархія, ни матушка Анна и были очень довольны, когда Л. вызвался самъ разливать этотъ грѣшный напитокъ. Мудрено мнѣ вамъ передать нашу бесѣду. Цѣль моего посѣщенія была получить позволеніе осмотрѣть устройство обители и снять планъ ея, и потому я старался по возможности поддѣлаться и заслужить расположеніе матушекъ. Онѣ видѣли во мнѣ человѣка, если не единомыслящаго съ ними, то покрайней мѣрѣ такого, который *на стези ко спасенію*, какъ выразился обо мнѣ одинъ раскольникъ на томъ основаніи, что ношу бороду и волосы стригу въ кружокъ, и съ которымъ можно говорить до извѣстной степени откровенно. По этимъ причинамъ онѣ описывали мнѣ прежнее благолѣпіе своихъ часовенъ, со слезами разсказывали о томъ, какъ у нихъ безчинно обирали иконы и прочія часовенныя украшенія, безъ всякаго благоговѣнія къ святыни связывали кучами и укладывали на возы, какъ потомъ возвратили одну изъ иконъ безъ серебрянаго вѣнца, которымъ былъ украшенъ ликъ, какъ изгнали всѣхъ обительницъ скита, не приписанныхъ къ тому уѣзду, гдѣ онъ находится, и умалчивая разумѣется, о томъ, что срединихъ было много безпаспортныхъ и бродягъ, сѣтовали на то, что имъ, оставшимся старухамъ, на закатѣ дней ихъ, воспрещенъ выходъ изъ

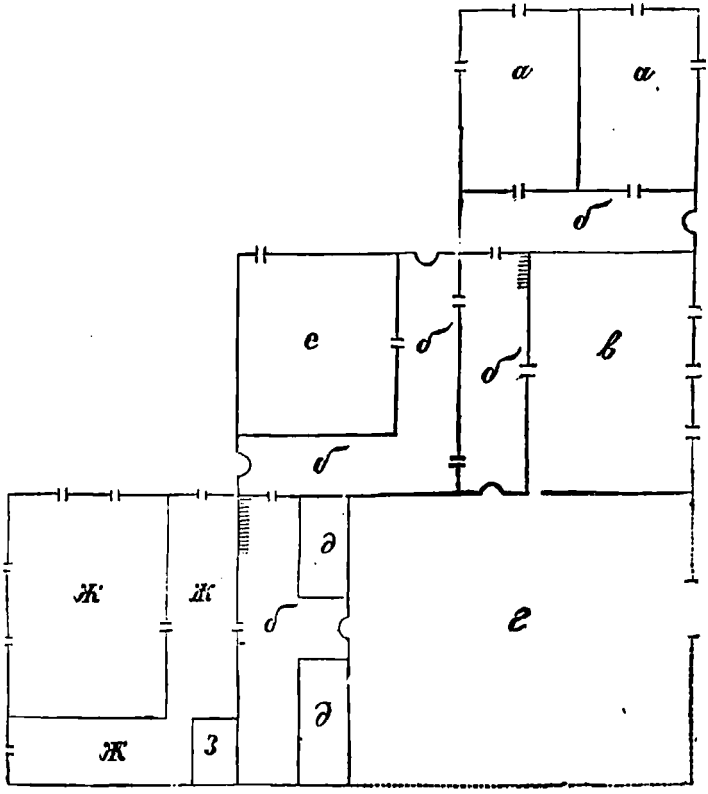
скита даже для свиданія съ родственниками. При этомъ я замѣтилъ, что когда одна изъ разсказывавшихъ матушекъ начинала плакать, то и другая матушка закрывала глаза платкомъ и выжимала слезы, въ туже минуту спѣшала захныкать и старуха, остававшаяся за перегородкой въ прихожей. А когда въ отвѣтъ на какое-то ихъ сѣтованіе, поддерживая свою роль, сказалъ только два слова: «Богъ милостливъ», обѣ матушки какъ бы по командѣ поднялись со своихъ мѣстъ и совершенно неожиданно съ громкимъ плачемъ бросились мнѣ въ ноги, въ тоже мгновеніе вылетѣла изъ-за перегородки и также повалилась къ моимъ ногамъ старуха-послушница. Я разумѣется смутился и вдругъ не понялъ, что это былъ знакъ христіанскаго смиренія, смутился тѣмъ болѣе, что у хозяйки была вывихнута нога и такъ болѣла, что она встала съ постели только ради нашего пріѣзда и едва переступала по комнатѣ, опираясь на костыль.

Приподымая старуху съ полу, я просилъ объяснить мнѣ причину этого неизаслуженнаго мною земнаго поклона.

— На утѣшительномъ словѣ благодаримъ, отвѣчали онѣ, хныкая.

Были и искреннія слезы горя у этихъ старухъ, но были такія, которыя ясно доказывали, что плакать въ приличныхъ случаяхъ для нихъ дѣло столь же легкое и привычное, какъ справлять извѣстное число поклоновъ, по правилу.

Въ теченіе моей непродолжительной бесѣды, успѣлъ замѣтить, что обѣ старухи были умны, хитры и осторожны, но мать Ириндархія говорливѣе и простодушнѣе, а мать Анна молчаливѣе, скрытнѣе и подозрительнѣе. Можетъ быть, наша бесѣда была бы гораздо откровеннѣе и обильнѣе для меня свѣдѣніями, еслибъ не присутствіе г. Л., который, хотя и знакомый и пріятель, а все-таки *бритоусъ* и чиновникъ. Но я достигъ своей цѣли — мнѣ позволили съ большимъ удовольствіемъ осмотрѣть всю обитель. Вотъ планъ ея.

а келія, *б* сѣни, *в* келарня, *г* дворъ, *д* чуланъ, *е* моленная, *ж* келья игумены, *з* печь.

Надъ кельей игумены двѣ свѣтелки, въ которыхъ прежде, во время благосостоянія скитовъ, вѣроятно обитали молодыя дѣвицы скитянки: тамъ не было теперь никакой мебели, но на окнахъ висѣли еще кисейныя заневѣски, надъ келарней весьма чистый чердакъ и также свѣтелка, замѣняющая чуланъ.

Келарнею здѣсь называется кухня или стряпущая и столовая въ тоже время, гдѣ собирались за трапезу всѣ скитянки обители. Здѣсь мы встрѣтили босоногую старуху, повязанную платкомъ по старовѣрски, съ двумя распущенными сзади концами,— это была стряпка или кухарка.

Изъ прилагаемаго плана вы видѣли, что не малую часть обители занимаютъ сѣни или корридоры, и ваше вниманіе конечно обратитъ множество выходовъ. Откуда происходитъ такой характеръ постройки,—остатокъ ли это преданья о располо-

женій старинныхъ русскихъ домовъ *съ частыми переходами*, или образовался вслѣдствіе расчитаннаго удобства спрятаться и убѣжать, въ случаѣ преслѣдованія полиціи, чему раскольники часто подвергаются, впадая въ крайности соблазна ложныхъ убѣжденій и содержа людей подозрительныхъ. По какъ бы то ни было, не только въ этой обители, но, сколько я слышалъ, и во всѣхъ прочихъ и во многихъ домахъ раскольниковъ случалось мнѣ замѣтить эту особенность постройки. Изъ прилагаемаго плана вы можете видѣть также, что по мѣрѣ увеличенія числа обитателей къ обители дѣлались пристройки съ надлежащими помѣщеніями: такъ здѣсь сначала обитель ограничивалась только тѣмъ пространствомъ, которое теперь занимаетъ келарня и моленная, а потомъ уже пристроены кельи игуменьи и двѣ другія.

Прощаясь, хозяйка подарила мнѣ шелковый поясокъ, на которомъ вытканa молитва: «Да воскреснетъ Богъ». Работа отличная, и сю также славятся женскіе скиты. Нечего говорить, какъ всѣ раскольники, а особенно скитскіе, убѣждены въ святости своихъ вѣрованій, убѣждены безсознательно и тѣмъ болѣе упрямо. Нѣтъ средствъ растолковать имъ, что хоть бы эти самовольно основанные скиты, дающіе прибѣжище бродягамъ и безпаспортнымъ есть нарушеніе гражданскаго порядка и такъ сказать неповиновеніе правительству. Нѣтъ доводовъ, которыми бы можно объяснить имъ, что удаленіе изъ скитовъ незаконно въ нихъ обитавшихъ есть справедливая мѣра правительства, устраняющая безпорядки: они видятъ въ этой мѣрѣ только гоненіе и считаютъ себя мучениками вѣры. Не могутъ понять старобрядцы, напримѣръ по Рогожскому кладбищу, ненавидящіе Преображенскихъ, что правительство равно строго преслѣдуетъ злоупотребленія какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Видя преслѣдованіе Преображенскихъ, Рогожскіе готовы, пожалуй, счесть это преслѣдованіе необходимымъ, а когда дѣло коснется до нихъ самихъ, сѣтуютъ и принимаютъ прекращеніе зла среди нихъ за религіозное гоненіе, которое и переносятъ, какъ мученическій вѣнецъ. И странно: ясно понимая уклоненія отъ чистоты евангельскаго ученія, заблужденія, искаженія и зло въ другихъ сектахъ, ни одна секта не можетъ возвыситься до самосознанія и самоосужденія. Видя въ себѣ только все истинное, законное и доброе, не хочетъ и мысли допустить о возможности зла. На-

примѣръ весь околотокъ скажетъ, что скитскія обитательницы вели себя не совсѣмъ скромно, но, когда я замѣтилъ объ этомъ одному старовѣру той же секты, что и скитяне, то онъ готовъ былъ принять присягу, что это дѣло невозможное и небывалое. Онъ напротивъ мнѣ разсказывалъ о своемъ отцѣ, который умеръ въ глубокой старости, велъ жизнь строго религіозную, стоялъ на молитвѣ такъ долго, что получилъ гнойныя раны на ногахъ, въ теченіе всего великаго поста ѣлъ только восемь разъ и предсказалъ день и часъ своей смерти; разсказывалъ и о другомъ старообрядцѣ, жителѣ скита, который, чтобы заглушить въ себѣ позывы плоти, самъ нанесъ себѣ глубокую рану въ ногу, постоянно растравлялъ ее и жилъ въ страданіяхъ 13 лѣтъ. Развѣ это не подвижники? спрашивалъ онъ меня. А когда я возражалъ ему указаніемъ на многія извѣстныя мнѣ злоупотребленія и искаженія ихъ секты, онъ отвѣчалъ мнѣ или недовѣрчивой улыбкой, или молчаніемъ, или тѣмъ, что и они живутъ не на обумъ, а по книгамъ тоже.

Кстати я вспомнилъ объ этомъ старовѣрѣ. Онъ принадлежалъ къ тому краю, о которомъ идетъ рѣчь, и потому нѣсколько словъ о немъ не будутъ не у мѣста. Этотъ человѣкъ былъ въ молодости такимъ пскуснымъ борцемъ, что однажды поборолъ одного за другимъ 117 человѣкъ бурлаковъ, чему, разумѣется, приводилъ свидѣтелей; въ возмужаломъ возрастѣ онъ умѣлъ истратить 20 тысячъ руб. асс.,—все свое достояніе на отыскиваніе золотой руды, которой разумѣется не нашелъ; имѣлъ какой-то заводъ, который сгорѣлъ; въ настоящее время онъ бодрый, крѣпкій, коренастый старикъ, промышляющій печеньемъ бѣлыхъ хлѣбовъ и бубликовъ. Однимъ словомъ, это человѣкъ бывалый, много видалъ на своемъ вѣку, сталкивался съ разными людьми и вслѣдствіе этого не такой суровый фанатикъ, какъ другіе раскольники, но и для него, какъ для другихъ старообрядцевъ, сила доводовъ, основанныхъ на самостоятельномъ мышленіи, свободное разсужденіе не существуетъ. Разъ какъ-то мы долго бесѣдовали и нечувствительно увлеклись въ споръ, который послѣ одного моего представленія вдругъ былъ прерванъ такою сентенціею моего противника: да и то сказать, ваше благородіе, развѣ мы спорили; мы только что изъ пустаго въ порожнее переливаемъ. А вотъ какъ я жилъ въ Москвѣ у И. А. Г., да ѣздилъ я съ нимъ къ М.

П. П.: вашъ М. П. вѣдь ужь извѣстно, ученый человѣкъ, и нашъ И. А. начетчикъ не малый; вотъ у нихъ такъ настоящіе споры бывали: какъ бывало что скажетъ И. А., такъ М. П. справится въ книгѣ, — есть, и М. П. что скажетъ И. А. тоже въ книгу посмотритъ, есть ли?... Да такъ бывало цѣлую ночь. Вотъ такъ спорили, усладительно было послушать, а мы что толкуемъ: я ученія малаго, книгъ при насъ пѣтъ....

— Ну что же, кто кого переспорилъ, М. П. или И. А.?

— Да никто никого не смогалъ: спорятъ, спорятъ, да такъ и разойдутся.

Печатная буква для раскольника не только законъ, но и весь разумъ, начало и конецъ человѣческаго мышленія и притомъ только та буква, которую онъ находитъ въ своихъ *старыхъ* книгахъ. Всякую новую книгу онъ считаетъ бѣснованіемъ ума, желающаго ниспровергнуть святость истины. И потому въ дѣлѣ вѣры онъ не позволитъ себѣ ни малѣйшаго размышленія и никогда не повѣритъ и не пойметъ, что кто либо изъ его собратій могъ оставить расколъ и обратиться по убѣжденію; онъ будетъ видѣть въ этомъ или соблазнъ дьявола, или простой житейскій разсчетъ, или малодушіе. И въ этомъ отношеніи мы готовы согласиться съ раскольниками: всѣ они обращаются только вслѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ; но важность въ томъ, что освободившись изъ-подъ гнета, налагаемаго на умъ расколомъ, они получаютъ свободу мыслить и начинаютъ мало по малу сознавать свои прежнія заблужденія. Въ этомъ случаѣ учрежденіе единовѣрческихъ церквей,—мѣра великой мудрости правительственной; но эта мѣра только тогда прямо и быстро будетъ достигать цѣли, если будетъ обращено строгое вниманіе на выборъ священниковъ для единовѣрческихъ церквей, которые бы сознавали свое настоящее назначеніе, а иначе единовѣрческіе храмы будутъ только ширмами, за которыми заблужденія раскольниковъ еще долго станутъ скрываться отъ глазъ правительства.

Однажды тотъ же самый раскольникъ, о которомъ я разсказывалъ, встрѣтился у меня съ своимъ согражданиномъ, недавно обращеннымъ въ единовѣріе. Единовѣрецъ смѣло гнушался надъ заблужденіями оставленнаго имъ раскола и съ полнымъ, повидимому, убѣжденіемъ защищалъ единовѣріе, очевидно желая вызвать на споръ противника. Долго молчалъ раскольникъ,

отворотившись отъ него и скрывая злобу, наконецъ не выдержалъ и быстро подошелъ къ единовѣрцу.

— Трынь, трынь, трынь, передразнилъ онъ его. Ну, что ты трещишь, благо орать даютъ волю. Развѣ отецъ-то твой глупѣе тебя былъ, а какой онъ вѣры держался, ну-ка скажи?

Единовѣрецъ нѣсколько смутился этимъ возраженіемъ и не находилъ вдругъ отвѣта.

— То-то, съ достоинствомъ прибавилъ раскольникъ:—нынче дѣти-то умнѣе отцовъ стали!

— А что же, развѣ не бываютъ дѣти умнѣе отцовъ? спросилъ я его.

— Не знаю, насъ что-то этому не учили; развѣ нынче стали учить! съ усмѣшкой отвѣтилъ раскольникъ.

— Ну, послушай, если бы каждый сынъ былъ глупѣе своего отца, такъ на свѣтѣ-то давно жили бы одни пошлые дураки. Ну-ка разсуди, правду ли я говорю.

— Не знаю, отвѣчалъ сектантъ послѣ непродолжительнаго молчанія и затѣмъ, какъ бы стараясь избѣгнуть соблазнительной бесѣды, сталъ поспѣшно сбираться домой.

Алексѣй Потѣхинъ.